

Андашев К.С.

аспирант

И. Арабаев атындагы Кыргыз мамлекеттик университети

Андашев К.С.

аспирант

Кыргызский государственный университет имени Арабаева

Andashev K.S.

Graduate Student

Kyrgyz State University named after Arabayev

**ОМАР ХАЙЯМДЫН КӨЗ КАРАШЫНЫН МИСАЛЫНДА ЫЙМАН МЕНЕН
БИЛИМДИН КАТЫШЫ
СООТНОШЕНИЕ ВЕРЫ И ЗНАНИЯ НА ПРИМЕРЕ ВЗГЛЯДОВ ОМАРА ХАЙЯМА
THE RELATIONSHIP OF FAITH AND KNOWLEDGE ON THE EXAMPLE
OF THE VIEWS OF OMAR KHAYYAM**

Аннотация. Макалада көрүнүктүү окумуштуунун, акындын жана ойчулдун көз караштарынын мисалында ишеним менен билимдин катышы каралат.

Аннотация. В статье на примере взглядов выдающегося ученого, поэта и мыслителя рассматривается соотношение веры и знаний.

Annotation. The article examines the correlation of faith and knowledge by the example of the views of an outstanding scientist, poet and thinker.

Негизги сөздөр: Омар Хайям, ыйман, Билим, илим, диний дүйнө тааным, илимий дүйнө тааным.

Ключевые слова: Омар Хайям, вера, знания, наука, религиозное мировоззрение, научное мировоззрение.

Keywords: Omar Khayyam, faith, knowledge, science, religious worldview, scientific worldview.

В современном мире среди достаточно большого числа людей распространено ложное мнение, что религиозное и научное мировоззрения представляют собой не только нечто противоположное, но и в принципе непримиримое и отрицающее друг друга, находящееся в постоянной оппозиции друг к другу, борьбе. Такой взгляд утвердился в европейском общественном мнении и научной среде еще в эпоху Просвещения, которая стала одним из ключевых периодов в истории европейской культуры и научной мысли, который связан с бурным развитием в ряде европейских стран науки и философии, в основе которых лежали рационализм и вольнодумство. Во многом благодаря последнему обстоятельству наука, во всяком случае на тот исторический период, действительно была противопоставлена религии. Возникла своего рода традиция противопоставления научных форм осмысления действительности религии, которая, как известно, всегда выстраивалась и выстраивается на догмах. Со временем данная ошибка только усиливалась, достигнув своей верхней точки, апогея в советском государстве, идеология которого основывалась, как известно, на атеизме, т.е. прямом и безусловном отрицании Бога. И таким образом ошибочный взгляд утвердился на государственном и идеологическом уровнях, причем не только в плане отрицания божественного, но и в отождествлении атеистического мировоззрения с научным, которые при относительной их формальной близости или схожести не одно и то же.

Одной из основ атеистического мировоззрения является то, что оно противопоставляет веру и знания, причем веру атеизм приравнивает, по сути, вере в сверхъестественное, не существующему в действительности, основывающемуся не фактах, а заблуждениях, а

знание, согласно атеистическому мировоззрению, напротив, может опираться исключительно на факты. Однако такой подход к вере и знанию, их соотношению и связи выглядит несколько упрощенным и, соответственно, далеким от истины. В свое время соотношение и взаимоотношение веры и знания подверг анализу известный русский религиозный философ XX века, один из первых представителей экзистенциализма, Н.А. Бердяев. «Существует три типических решения вопроса о взаимоотношении знания и веры, – писал он, – решения эти, несмотря на различия, сходятся в том, что одинаково признают коренную противоположность знания и веры, не ищут общей подпочвы в глубине. И потому типические решения эти предполагают выбирать между знанием и верой и неизбежно выбирают или знание, или веру, или известную пропорцию знания и известную пропорцию веры, взаимно друг друга ограничивающие» [1, с. 38]. При этом возможны три варианта отношения между верой и знаниями, а именно: «1) верховенство знания и отрицание веры, 2) верховенство веры и отрицание знания, 3) дуализм знания и веры» [1, с. 38]. По мнению Н.А. Бердяева, знание само по себе не может выше веры, поскольку не может быть что-либо (в данном случае – знания) выше того, на чем это что-либо основывается, или, другими словами, знания, основываясь на вере, являются в конечном счете разновидностью веры, знание «не может уничтожить веру и заменить веру. Это прежде всего должно быть психологически признано» [1, с. 38]. «Психологию веры, – подчеркивал Н.А. Бердяев, – мы встречаем у самых крайних рационалистов, у самых фанатических сторонников научно-позитивного взгляда на мир... Люди “научного” сознания полны всякого рода вер и даже суеверий...» [1, с. 39] Суть, однако, не в том, что «люди “научного” сознания полны всякого рода вер и даже суеверий», а в том, что «само психологическое состояние веры не упраздняется, оно остается в силе. Даже в единственность и верховенство научного знания можно лишь верить, научно, позитивно, доказательно нельзя утверждать этой самодержавности и окончательности науки» [1, с. 40]. Н.А. Бердяев, хорошо разбиравшийся в естественных науках, справедливо указывал на то, что почти «вся наука покоится на законе сохранения энергии; но закон сохранения энергии дан лишь вере, как и пресловутая атомистическая теория, на которой долгое время покоилось естествознание. Да и само существование внешнего мира утверждается лишь верой. Все ведь признают, что аксиомы недоказуемы, что они предмет веры, но как бы произвольной, обязательной, связывающей веры. Все исходное в знании недоказуемо, исходное непосредственно дано, в него верится. И все недоказуемое и непосредственное оказывается тверже доказуемого и выведенного. Все, в сущности, признают, что в основе знания лежит нечто более твердое, чем само знание, все вынуждены признать, что доказуемость дискурсивного мышления есть нечто вторичное и зыбкое... вся твердость знания в этой “вере” коренится. И потому нет оснований утверждать, что знание имеет преимущество перед верой. Знание питается тем, что дает вера, и различие тут в характере самой веры. Рационализм держится лишь тем, что не углубляется до первооснов, не восходит до истоков. В истоках же находим всегда веру» [1, с. 50–51].

Действительной, прямой оппозицией религиозному мировоззрению и сознанию выступает не научное мировоззрение и методы познания, хотя она базируется и исторически и логически на иных основаниях, чем собственно религия. Реальной оппозицией религии и религиозному мировоззрению является атеизм, которое, собственно, и определяется как безбожие, которое возникло на значительно более поздней фазе эволюции человеческого вида, чем религиозность, которая практически возникла одновременно со способностью человека мыслить, т.е. с того момента, когда он стал человеком как таковым. Атеизм возник в цивилизационной период развития человечества, когда уже накопившийся объем знаний позволял не только зафиксировать определенные физические закономерности, но объяснять их иным образом, чем это делалось в пределах прежней мифологической картины мира и представлений о мироздании. И чем стремительней росли эти знания, тем меньше удовлетворяла людей картина мира, созданная на основе прежних религиозно-мифологических представлений, взглядов и чувств.

В определенный момент истории человечества произошел духовный переворот, обновления, когда ряд народов стал переходить от политеизма к монотеизму, т.е. от веры во множество богов к вере в одного Бога. С этого времени стал изменяться характер истории и духовных процессов, происходящих в нем. Известный немецкий философ XX века Карл Ясперс писал в связи с данным переходом следующее: «Не может быть случайностью, что почти одновременно за 600 лет до н. э. в качестве реформаторов народной религии выступили в Персии Заратустра, в Индии – Гаутама Будда, в Китае – Конфуций, у иудеев – пророки, в Риме – царь Нума, а в Элладе – первые философы ионийцы, дорийцы, элеаты» [2, с. 39]. Этот период или, вернее будет сказать, этап в истории человечества К. Ясперс определил как «осевое время истории», которое, по его мнению, было переломным в истории человечества, поскольку оно совершило переход от стихийного бытия к подлинной человеческой жизнедеятельности. «Эту ось мировой истории, – писал К. Ясперс, – следует отнести, по-видимому, ко времени около 500 лет до н. э., к тому духовному процессу, который шел между 800 и 200 гг. до н. э. Тогда произошел самый резкий поворот в истории. Появился человек такого типа, какой сохранился и по сей день. Это время мы вкратце будем называть осевым временем» [2, с. 32].

Возникновение человека нового типа, таким образом, связано с переходом человечества к идее единобожия, единоначалия, и этот тип человека сохраняется и в настоящее время. Этот человек с его верой в единого Бога определил ход всей предшествующей истории и заметно определяет современной цивилизационного развития человечества. Конечно, ход и характер истории определяли и определяют не только люди верующие. Но история никогда не была и, по всей видимости, не будет идеальной. Да и что, собственно, считать идеальной.

Теперь обратимся непосредственно к фигуре Омара Хайяма (ок. 1048 – между 1113 и 1132). Будучи выдающимся философом, математиком и астрономом, он тем не менее в современном мире известен главным образом как поэт, причем самый переведенный на другие языки и самый популярный или во всяком случае самый издаваемый в мире поэт. А между тем его перу принадлежат такие философские труды, как «Трактат о бытии и должностовании», «Ответ на три вопроса: необходимость противоречия в мире, детерминизм и вечность», «Свет разума о предмете всеобщей науки», «Трактат о существовании», «Книга по требованию (Обо всем сущем)» и др. Он написал множество трудов, посвященных естественнонаучным проблемам, а именно: «Трактат о доказательствах проблем ал-джебры и ал-мукабалы», «Астрономические таблицы Малик-шаха», «Трактат об истолковании темных положений у Евклида», «Трудности арифметики», «Весы мудрости, или Трактат об искусстве определения количества золота и серебра в сплавах из них» и др. Следует обратить внимание, что Хайям получил классическое мусульманское образование медресе в г. Нишапур, затем продолжил свое образование в Балхе и Самарканде, где он основательно изучал физику, астрономию, математику, философию, историю, корановедение, юриспруденцию, медицину, филологию, теорию музыки и теорию стихосложения. Зная превосходно арабский язык, Хайям прочитал в переводах труды Аристотеля, Евклида, Архимеда и других античных авторов. В возрасте чуть более 20 лет Хайям написал фундаментальный математический труд «Трактат о доказательствах проблем ал-джебры и ал-мукабалы», который принес ему славу выдающегося ученого. В 1079 году, в возрасте 31 год Хайям создал новая система летосчисления («Малик-Шахово летосчисление»), который превосходил по точности действующий в настоящее время Григорианский календарь, который был разработан в 16 веке. К слову сказать, годовая погрешность Григорианского календаря составляет 26 секунд, в то время как календаря, созданного Хайямом – 19 секунд. Область знаний, в которой Хайям особенно преуспел является математика. Так, он впервые в истории математики обосновал теорию геометрического решения алгебраических уравнений, заложил основу идеи переменной величины, дал полную классификацию всех видов уравнений, которые насчитывают 25 типов и таким образом опередил европейскую математическую мысль на 5–6 веков. Однако убийство в 1092 исмаили-

тами султана Малик-Шаха и визиря-Низама ал-Мулка, которые покровительствовали Хайяму, резко изменили ход его жизни. Он стал подвергаться преследованиям за свои взгляды и внезапно приобрел репутацию вольнодумца, но не тому, что он отрекся от веры, поскольку не делал этого. Он не желал поддерживать официальные догмы, которые были подчинены скорее политическим задачам и целям, нежели служению вере. Хайям даже совершил хадж в Мекку, чтобы снять с себя обвинения в безбожии, однако власть имущие не изменили своего отношения к нему [4, с. 786].

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что весьма внушительные даже по современным меркам знания Хайяма в различных науках, как это не странно, только усилили его скептическое отношение к способности и возможности человека постигнуть суть явлений и мира, истину как таковую. Он считал, что это в принципе невозможно. С чувством горечи он писал:

Много лет размышлял я над жизнью земной.
Непонятого нет для меня под луной.
Мне известно, что мне ничего не известно! –
Вот последняя правда, открытая мной [4, с. 144].

Данная мысль не только созвучна, но и практически повторяет мысль, приписываемую обычно древнегреческому философу Сократу: «Я знаю, что ничего не знаю». Само собой разумеется, данное утверждение не следует понимать буквально, как полное и фатальное невежество, незнание. Очевидно, что речь идет о сущности, о первоначале, основе всего сущего. Со всей возможной определенностью Хайям писал следующее:

Все, что видим мы, – видимость только одна,
Далеко от поверхности мира до дна.
Полагай несущественным явное в мире,
Ибо тайная сущность вещей – не видна [4, с. 149].

Можно не сомневаться в том, что именно принципиальная невозможность постичь истину была причиной скептического отношения Хайяма к науке, а вернее, к научным формам познания действительности, в пользу чего говорит, в частности, следующее его четверостишие:

Так как истина вечно уходит из рук –
Не пытайся понять непонятое, друг.
Чашу в руки бери, оставайся невеждой,
Нет смысла, поверь, в изученье наук [4, с. 154].

Следует отметить, что Хайям, посвятивший всю свою сознательную жизнь научным поискам, не отрицал практической пользы научных знаний, как и любых других знаний, которые, если бы они были действительно бесполезными и бессмысленными, не привлекали его внимание в течение всей его жизни. Бессилие разума, по Хайяму, обнаруживается именно тогда, когда речь идет о первопричинах, сущности. Он писал:

Круг небес ослепляет нас блеском своим.
Ни конца, ни начала его мы не зрим.
Этот круг недоступен для логики нашей,
Меркой разума нашего неизмерим [4, с. 149].

Именно обширные знания Хайяма, а не только мусульманская традиция, подвела его к идее Бога, сущность которого, как и любая другая сущность, непостижима. Хайям писал:

Есть ли Бог или нет – даже думать грешно,
Эти споры до нас разрешили давно.
Не сравнишься ты с Богом, бунтующий грешник,
И понять тебе сущность его не дано [5, с. 30].

В основе модели бытия, по Хайяму, лежит идея сотворения и безусловного господства Абсолюта, что вполне согласуется с идеей Аллаха, который, согласно мусульманскому вероучению, первичен по отношению ко всему сущему, вездесущ и вечен. Хайям писал:

В мире временном, сущность которого – тлен,
Не сдавайся вещам несущественным в плен.
Сущим в мире считай только дух вездесущий,
Чуждый всяких вещественных перемен [4, 185].

Не следует заблуждаться, считая, что Хайям всей своей жизнью и научной деятельностью пытался поставить под сомнение важность и ценность научных форм познаний действительности. Человек, в сущности, обречен постоянно познавать мир. Не говоря уже о том, именно практическая ценность научных знаний, имеющих прямое и опосредованное отношение к повседневной жизни, огромна. Без знаний, и в первую очередь научных знаний, человечество было бы обречено на вечный застой. Определенная доля разочарования Хайяма, как представляется, обусловлена с неспособностью человека, вооруженного научными методами познания, постигать сущность как природы, вещей, так и самого себя. Хайям, посвятивший, как мы указывали выше, всю свою жизнь научным поискам, по видимости, отказался бы от этих поисков, если бы пришел к убеждению, что они совершенно бесполезны и бессмысленны. Разочарование в нем, надо полагать, вызывала неспособность науки понять причины и суть сущего, а также, вероятно, бессилие человека перед смертью.

Если бы наука действительно была способна вскрыть суть всего сущего, то наиболее вероятно, что религиозное мировоззрение прекратило бы свое существование за ненужностью. Но этого не происходит, поскольку, говоря словами Хайяма «круг небес... меркой разума нашего неизмерим».

Список использованной литературы:

1. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества [Текст] / Н.А. Бердяев. – М.: Правда, 1989. – 608 с.
2. Ясперс, К. Смысл и назначение истории [Текст] / К. Ясперс. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с.
3. Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. – Мн.: Изд. В.М. Скакун, 1998. – 896 с.
4. Лирика Востока: Переводы / Сост. и вступ. Ст. М.А. Курганцева. – М., 1983. – 480 с.
5. Омар Хайям. Рубаи // Сост.: Ш. Шамухамедов; Редкол.: Шамухамедов Ш. М. (пред.) и др. / Пер. Н. Стрижкова, А. Шамухамедова. – Ташкент, 1990. – 120 с.